

РАЗДЕЛ III. РОССИЯ И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 327.81

К.А. Агафонов

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС И ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛИТЕТА ФИНЛЯНДИИ В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ

Вопрос о судьбе Германии в целом и Берлина в частности, по территории которого протянулся Железный Занавес, вне всякого сомнения, являлся наиболее напряженным и продолжительным в годы Холодной войны. Наравне с Кубинским ракетным кризисом, войнами в Корее и Вьетнаме, Германский кризис выходил далеко за рамки противостояния Великих Держав. Сама проблема длительного существования двух независимых Германий содержала в себе угрозу целостности антагонистических блоков Востока и Запада. В этой связи для ГДР и ФРГ в разной степени отводится роль не только лишь причины глобального кризиса, но и активного медиатора проводимой двумя блоками международной политики. Это объясняется, в первую очередь, стремлением каждой из противоборствующих Великих Держав в привлечении новых союзников в свою сферу влияния и соответствующим ослаблением идеологической целостности блока противника.

Разделенный Берлин, будучи одновременно столицей и «капиталистической язвой» Восточной Германии, имел огромное символическое значение и служил отправной точкой в пропагандистской войне между идеологиями. Действительно, если бы США оказались не в состоянии обеспечить стабильность политической системы в Западном Берлине, то их позиции в остальном «свободном мире», – Франции, Великобритании, могли

быть ослаблены. В свою очередь, провал социалистического режима в ГДР мог нанести удар по влиянию СССР в социалистическом лагере.

Стремительный экономический рост, наблюдавшийся в ФРГ благодаря участию страны в программе плана Маршалла, а также укрепление международного влияния в связи со вступлением в 1955 г. в НАТО вызывали серьезную озабоченность в Советском Союзе. Решение главнокомандующего НАТО в Европе о размещении на территории ФРГ ядерных ракет средней дальности было воспринято в СССР как первый шаг к приобретению Германией ядерного оружия, направленного против Советского Союза [7, с. 120]. Германская демократическая Республика, плановая экономика которой переживала серьезный кризис, крайне нуждалась в помощи извне и искала международного признания. На границе двух Германий назревал серьезный геополитический кризис. Хрущев, положение которого было отягчено определенными неудачами внутренних реформ в СССР, а также советско-китайским расколом и международной реакцией на подавление восстания в Венгрии, был готов действовать решительно.

Создавшаяся ситуация, в которой потеря союзника могла стать роковым ударом для СССР, стала серьезным испытанием для политики нейтралитета Финляндии, лишь пару лет назад официально признанным могущественным соседом на XX съезде партии. Уникальность положения Финляндии на геополитической карте Европы в высшей степени проявилась в отношении страны к двум германским государствам. Комплексный анализ внешней политики Финляндии в условиях международной напряженности вокруг Берлинских кризисов и до официального признания мировым сообществом ГДР в 1973 г. представляет собой особую ценность в изучении роли малых нейтральных Государств Европы в Холодной Войне.

Безусловно, Германский вектор был не единственным показателем состоятельности политики нейтралитета Финляндии, но определенно одним из самых острых и продолжительных испытаний.

Объясняется это, в первую очередь, живой памятью союзников о сотрудничестве страны с нацистской Германией в годы Второй Мировой Войны. Этот факт послужил основой для заключения Финляндией навязанного Советским Союзом Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя странами. Тогда, в 1948 г., Германия, раздробленная на зоны оккупации и истощенная войной, едва ли могла представлять собой реальную угрозу Европе. Однако Сталин, отвечая на вопросы о необходимости оборонительного пакта, отвечал в привычной ему манере: «Ситуация может измениться со временем» [6, с. 55]. Неудивительно, что статьи 1 и 2 Договора четко определяет Германию как возможного агрессора и предусматривают возможную помощь СССР в отражении германской агрессии на территории Финляндии. Эти официальные положения омрачили германское направление внешней политики Финляндии задолго до наступления реального кризиса.

Появление на карте Европы в 1949 г. двух независимых государств ФРГ и ГДР, стало наихудшим результатом развития германского вопроса в конце 40-х гг. для Финляндии, отчаянно искавшей своего положения на геополитическом пространстве Восток-Запад. В преамбуле вышеупомянутого договора о дружбе четко выражена позиция финского государства о нежелании быть втянутой в конфликты Великих Держав. Назревший вопрос о признании ФРГ и ГДР в высшей степени продемонстрировал приверженность финнов выбранному курсу.

Тем не менее, оставаться нейтральным по отношению к германским государствам было все труднее. Признать суверенитет ФРГ означало сближение с блоком НАТО, считавшим первую единственным представителем германского народа. Признание обоих государств могло означать согласие с позицией СССР, установившим дипломатические отношения с ФРГ и ГДР в 1955 г. В этой связи показателен пример Югославии, признавшей в 1957 г. ГДР. В ответ на этот жест ФРГ в значительной мере ожесточило отношения с режимом Тито [10, с. 81].

В создавшихся условиях, не нарушая баланса сил в Скандинавии, Финляндия отказалась от установления дипломатических отношений с ФРГ и ГДР, создав тем самым прецедент в истории международных отношений. Справедливости ради стоит отметить, что еще в 1948 г. Финляндия заключила торговые миссии в обеих частях Германии, и размежевание германских государств в 1949 г. никак не повлияло на их деятельность. И пусть эти миссии не имели статуса консульских учреждений, Финляндия пользовалась всеми необходимыми привилегиями в отношениях с ФРГ и ГДР, своими важными торговыми партнерами [6, с. 57].

На глобальном же уровне германский вопрос не сходил с повестки дня как в двусторонних отношениях между Финляндией и СССР, так и в участии Финляндии в глобальном развитии, выраженном в инициативе о Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Рассмотрим подробнее основные дипломатические перипетии, позволившие Финляндии в конечном итоге установить дипломатические отношения с ФРГ и ГДР в рамках проводимой политики нейтралитета.

В 1955 г., Советский Союз, планы которого о создании на территории Германии единого, демилитаризованного и нейтрального государства рухнули в связи со вступлением ФРГ в НАТО, делает широкий жест для Финляндии – отказывается от арендованной базы Порккала в обмен на заблаговременное продление договора ДСВ-48. Визит финской делегации в Кремль пришелся на следующий день после визита Конрада Аденауэра для подписания договора об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ и совпал с визитом Вальтера Ульбрихта, нацеленного на заключение аналогичного договора между ГДР и Советским Союзом.

Безусловно, такое совпадение не могло не вынести германский вопрос на повестку для переговоров между советским и финским руководствами. В приватной беседе с тогда еще премьер-министром Финляндии Урхо Кекконеном, Хрущев отвлеченно поинтересовался,

не готова ли Финляндия последовать примеру СССР и установить дипломатические отношения с уже суверенным государством ГДР. В своем ответе Кекконен дал понять, что это возможно в обмен на разрешение для Финляндии стать членом Северного Совета, что ранее стало причиной напряженности в отношениях между СССР и Финляндией. Советское руководство, готовое удовлетворить это требование, сообщило также, что готово способствовать скорейшему вступлению Финляндии в ООН, формально одобрив тем самым право нейтральной Финляндии на участие в глобальном международном процессе. Кекконен, не сообщивший президенту Паасикиви о своих намерениях, на тот момент не видел никакой подоплеки в том, чтобы вслед за СССР признать оба германских государства и упрочить положение своей страны в рамках скандинавского баланса сил [5, с. 475–477].

СССР сдержал свое обещание и к концу года Финляндия стала полноправным членом ООН и Северного Совета. Однако финская сторона не смогла выполнить свое обязательство ввиду непредвиденной и жесткой позиции ГДР. Суть обещаний, данных Кекконеном Хрущеву в Кремле, стали известны торговой миссии ФРГ в Финляндии, откуда были перенаправлены в Бонн. Реакция руководства ФРГ для Финляндии оказалось крайне неожиданной, и заключалась в безоговорочном признании лишь существующего положения Финляндии по германскому вопросу. Установление Финляндией дипломатических связей с ГДР означало открытое признание разделения Германии и повышение зависимости Финляндии от СССР. Эта риторика положила начало доктрине Хальштейна, согласно которой ФРГ была готова расторгнуть дипломатические отношения с любой страной (кроме СССР), фактически признавшей ГДР [10, с. 78–79]. И хотя на тот момент Финляндия не имела дипломатических миссий в ФРГ, общая риторика, обличающая Финляндию в скатывании в советскую сферу влияния, была чрезвычайно угрожающей для финского руководства, стремившегося отстоять объективность политики нейтралитета. Более

того, нарушение экономических связей с ФРГ как одним из ключевых для Финляндии торговых партнеров могло нанести значительный удар по благополучию страны.

Безусловно, доктрина Хальштейна не была придумана лишь для Финляндии, а отражала основной постулат внешней политики ФРГ с самого своего образования. Однако можно назвать Финляндию ее первой жертвой в 1955 г., потому как к этому времени ни одну некоммунистическая страна не могла и подумать об установлении дипломатических связей с ГДР. В создавшихся условиях единственным верным решением для финского руководства стала временная заморозка германского вопроса.

Следующее испытание для политики нейтралитета Финляндии пришлось на первый Берлинский кризис 1958 г. В ноябре 1958 г. Хрущев направил дипломатические ноты представительствам США, Великобритании, Франции и ФРГ, согласно которым послевоенные соглашения по Берлину считались нарушенными ввиду односторонних акций западных держав, выраженных в образовании ФРГ и включении последней в блок НАТО. В этих условиях единственным правильным решением, по мнению руководства СССР, стало бы обоюдное заключение мирных договоров с обоими Германскими государствами, что послужило бы не только разрядкой вокруг Берлина, но и окончательным разрешением германского вопроса. На рассмотрение этой позиции Западу выделялось 6 месяцев. Если положительное решение было бы отклонено, СССР готов был заключить сепаратный договор с ГДР и передать последней право на контроль доступа к Западному Берлину, тем самым признав неправомерным присутствие сил Запада на территории города, оговоренное на Потсдамской конференции [9, с. 55–56]. Берлин как важный козырь в идеологической борьбе двух блоков как никогда становился возможным плацдармом будущих военных действий с возможным применением ядерного оружия.

В самой Финляндии в это время нарастал кризис в отношениях с СССР, вызванный приходом к власти правительства социал-

демократа Карла Фагерхольма, известного своими прозападными взглядами, выразившимися в желании расторжения Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и скорейшего вступления Финляндии в НАТО. Сформированное им первое правительство в 1948–1949 и риторика уже становилась причиной охлаждений в отношениях между Финляндией и СССР, когда последний обвинял Финляндию в нелояльности к коммунистическому режиму и агрессивной прозападной позиции [1, с. 302–303]. Как и ранее в 1948 г., СССР выражало протесты формированию правительства без участия финских коммунистов в СМИ и на консультациях лично с президентом Кекконеном. Своего апогея кризис достиг с расторжением советским союзом ряда торговых соглашений и отзывом своего посла из Хельсинки. Нормализация отношений последовала с роспуском президентом правительства. Однако сам президент Кекконен был обвинен в позволении Советскому Союзу вмешаться во внутренние дела Финляндии и антидемократических мерах по отношению к собственному правительству [8, с. 77]. Поддержку своему решению Кекконен был вынужден искать на международной арене, и удобный случай не заставил себя долго ждать.

Одновременно с эскалацией напряженности вокруг Берлина, СССР направляет финскому руководству ноту о необходимости проведения совместных переговоров по ситуации в Германии. Текст ноты, основанный на растущей угрозе развязывания ФРГ новой войны в Европе, был предназначен не только для Финляндии, но и в большей степени для Норвегии и Дании как стран-участниц НАТО [4, с. 197]. И хоть все обвинения были отвергнуты Западной Германией и интерпретированы как непосредственные империалистические планы Советского Союза на Севере Европы, успешное испытание Советском Союзом 50-мегатонной ядерной бомбы не позволили оставить ноту незамеченной [2, с. 184–185].

При видимой серьезности назревающего противостояния, ситуация была легко разрешена после переговоров Урхо Кекконена и

Никиты Хрущева в Новосибирске. Хрущев согласился отложить консультации и лишь предупредил Кекконена о необходимости постоянного контроля за международной ситуацией на Балтике. Таким образом была достигнута, пожалуй, главная цель нотного кризиса – рейтинг Кекконена внутри Финляндии взлетел до небывалых высот и обеспечил ему безоговорочную победу на президентских выборах 1962 г.

Благодаря этому на протяжении всех следующих сроков Урхо Кекконена как президента Финляндии формировалась так называемая «президентская партия», что позволило ему единолично руководить политическим развитием в стране [8, с. 79].

Несмотря на то, что оба вышеупомянутых кризиса 1958 и 1961 г. имели очевидную «берлинскую» подоплеку, внешняя политика Финляндии по отношению к обеим Германиям находилась в замороженном состоянии. Этому способствовали как в СССР, так и на Западе, не желая излишне усложнять положение Финляндии по отношению к ФРГ и ГДР.

Международная обстановка после возведения Берлинской стены в 1961 г. была более плодородной для кампаний дипломатического признания. Первой свои притязания высказала ГДР. Для нее Финляндия представляла собой особую значимость как близкий партнер СССР. Финляндия с позиции Востока являлась наиболее ярким представителем капиталистического мира и наиболее слабым звеном в нем, способным развязать череду признаний ГДР другими странами извне коммунистического блока. Многие круги в Финляндии были готовы рассмотреть признание ГДР, главным же камнем преткновения служило возможная резкая негативная реакция ФРГ. Все первые попытки оказать влияние через торговую миссию ГДР в Финляндии и культурный центр ГДР в Хельсинки разбились о боязнь финского руководства встретить сопротивление ФРГ [10, с. 80].

Ключевым же оружием в борьбе за признание для ГДР стало общественное мнение. Основным инструментом в этой связи

выступило совместное восточно-германское-финляндское общество Дружбы, на финансирование программ которого в ГДР готовы были выделить поистине крупные суммы. Первым шагом стало приглашение премьер-министром ГДР правительства Финляндии на празднование двадцатилетия со дня основания ГДР, на которое финское руководство, однако, ответило отказом.

За расширение сотрудничества с ГДР ратовали социал-демократы, отношения которых с Москвой по понятным причинам были осложнены. Глава социал-демократов в финском парламенте Л.А. Пунтила заявлял «Наш путь в Москву лежит через Восточный Берлин» [5, с. 486].

В начале 1970 г. на базе Общества Дружбы ГДР и Финляндии был сформирован комитет Финляндии по признанию ГДР, выбравший своим слоганом «ГДР должна быть признана немедленно!». Комитет во главе с Тарьей Халонен, будущим президентом Финляндии, включал в себя 40 представителей различных партий, обществ, студенческих организаций, спортивных федераций и насчитывал в общей сложности 1,5 млн. человек. Несмотря на то, что эта цифра во многих источниках считается завышенной, в средствах массовой информации ГДР с гордостью освещали активную деятельность «массового движения друзей ГДР в Финляндии, насчитывавшего треть населения страны» [там же, с. 487–488].

Основной деятельностью комитета были выступления в духе ГДР с сильным политическим уклоном, нацеленные донести до масс образ ГДР как экономически, политически и культурно развитого государства, несправедливо игнорируемого и неправильно понятого западными странами.

Действительный же прогресс в процессе разрядки вокруг Германии выстраивался вокруг реализации плана Совещания по безопасности и сотрудничества в Европе. СССР убеждали Финляндию, что разрешение германского вопроса возможно осуществить в рамках более глобальной политики безопасности в Европе. Впервые идея проведения такой конференции была

предложена Советами Финляндии в 1966 г. Однако основным лейтмотивом о сохранении границ 1945 г. был принят в штыки на Западе. По замыслу самих финнов пункт о Германии и границах следовало опустить, чтобы избежать обвинений в потакании СССР [10, с. 82].

С одной стороны, инициатива проведения такого мероприятия противоречила желанию Финляндии оставаться в стороне от конфликтов Великих держав. С другой стороны, дух «разрядки» способствовал переходу Финляндии к политике активного нейтралитета. Другими инструментами такого нейтралитета стали участие Финляндии в СБ ООН в 1969–1970 и проведение первой фазы переговоров об ограничении стратегических вооружений.

Таким образом, проведение Совещания должно было на время заморозить щекотливый германский вопрос и избежать возможного давления СССР и ГДР.

С приходом к власти в ФРГ в конце 1969 г. Вилли Брандта и началом его Восточной Политики, Урхо Кекконен ощутил необходимость изменить отношение Финляндии к германскому вопросу. Так, к 1971 г. было подготовлено решение об одновременном признании ГДР и ФРГ в обмен на выполнение особых требований финской стороны, а именно [5, с. 489]:

- подписания договора об отказе от агрессии по отношению к Финляндии;
- гарантии выплаты Финляндии компенсации за урон, нанесенный Германией в Лапландии в 1944–55 гг.;
- признания политики нейтралитета Финляндии.

Назвать такой комплекс притязаний амбициозным, значит ничего не сказать. Договор об отказе от агрессии напрямую нарушил бы основные положения договора ДСВ-48 с СССР, в котором особое внимание уделяется немецкой агрессии. Признание Федеративной Республикой Германии нейтралитета Финляндии выходило далеко за рамки той свободы действий, которую СССР были готовы даровать Финляндии.

И без того рискованная кампания была представлена обоим немецким государствам ранее запланированного срока, ввиду утечки информации о планах Финляндии на встрече министров иностранных дел стран-участниц Северного Совета в Копенгагене. В результате программа была отвергнута в ФРГ, где ее признали просоветской [6, с. 59].

В ГДР же с охотой приняли предложение Финляндии. Но переговоры было решено провести только после совещания с Москвой. Как и следовало ожидать, заключение договора об отказе от агрессии было решительно отвергнуто СССР, т. к. это могло подать «плохой пример» для других стран социалистического лагеря. Признание политики нейтралитета Финляндии также шло вразрез с политикой, проводимой Советским Союзом в своей сфере влияния. Такие настроения были особенно опасны после событий в Чехословакии в 1968 г. Более того, сами политические эксперты ГДР утверждали, что в условиях международного права невозможно признать «политику нейтралитета». Это объяснялось тем, что, несмотря на оговорку в преамбуле договора ДСВ-48 о желании Финляндии оставаться в стороне от конфликтов Великих Держав, статус Финляндии как нейтрального государства не был закреплен юридически международным соглашением [3, с. 273]. Поэтому, под влиянием СССР, в конечной версии договора с ГДР было отмечено, что Восточная Германия «уважает стремление Финляндии к проведению политики нейтралитета» [10, с. 84].

И хотя черновик договора с ГДР был уже готов, Первый положительный ответ из Бонна пришел только в феврале 1972 г., когда ФРГ ответили согласием на первичный обмен информацией. Сами переговоры должны были быть отложены до подписания двустороннего договора между ГДР и ФРГ. В своем послании руководство Западной Германии подтверждало, что вопрос о признании статуса нейтралитета Финляндии возможен лишь в рамках Совещания по безопасности в Европе [5, с. 490].

Вторая попытка продвижения президентом Кекконеном своего

комплекса требований пришлось на частичную разрядку вокруг Германии, вызванного вступлением в силу четырехстороннего соглашения по Берлину летом 1972 г. Ожидание Финляндии, что этот договор поставит точку в Германском вопросе, оказалось ошибочным. Договор между ГДР и ФРГ не был подписан, и ФРГ вновь отказывалась вести переговоры при условии возможного признания Финляндией ГДР. Таким образом, Финляндия оставалась последней жертвой доктрины Хальштейна. В своей риторике руководство ФРГ грозило бойкотировать Совещание по безопасности в Европе, проводимое в стране, признавшей ГДР. В СССР и самой Финляндии это было расценено как шантаж. Однако действительных опасений о возможном срыве проведения конференции в тот момент не наблюдалось [там же, с. 491].

В связи с подписанием 21 декабря 1972 г. договора об основах отношений между ГДР и ФРГ, установившим условия и порядок развития связей между двумя частями Германии как фактически независимыми политическими единицами, исчезла и необходимость давления на Финляндию, которая в создавшихся условиях смогла установить дипломатические отношения с ФРГ и ГДР одновременно [10, с. 84].

Подводя итог, можно утверждать, что причиной столь затянувшегося решения Финляндией Германского вопроса было ее уникальное положение на геополитической карте Европы и ее символическое значение для обоих блоков. Тогда как ГДР ожидала признания Финляндией, как самой прогрессивной страной капиталистического мира, в ФРГ опасались, что Финляндия станет первой страной, не принадлежавшей к коммунистическому блоку, которая установит дипломатические отношения с ГДР.

Зыбким положением Финляндии между Востоком и Западом можно объяснить и возникшие кризисы 1958 и 1961 гг., преодолеть которые финны смогли благодаря бескомпромиссной и расчетливой политике президента Урхо Кекконена, твердой рукой ведущего корабль нейтралитета Финляндии сквозь бурные воды Холодной

войны.

И пусть официально политика нейтралитета не была признана в рамках вышеизложенного комплекса мер по Германии, благодаря инициативе Финляндии о проведении Совещания по безопасности в Европе, страна смогла перейти от пассивного неучастия в конфликтах Великих Держав к политике активного нейтралитета и пособничества в снижении напряженности в Европе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.** Политическая история Финляндии 1809–2009 / Предисл. Ю.С. Дерябина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2010. – 472 с.
2. **Browning, Christopher S.** Constructivism, Narrative and Foreign Policy Analysis: A Case Study of Finland. - N.Y: Peter Lang Publishing, 2008. – 328 p.
3. **Christine Agius, Karen Devine.** Neutrality: A really dead concept? A reprise // Cooperation and Conflict. – 2011. – Vol.46. Nr. 3. - 265-284
4. **Hanhimäki, Jussi M.** Containing Coexistence: America, Russia, and the "Finnish Solution". – Kent; London: The Kent State University Press, 1997. - 279 p.
5. **Hentilä, Seppo.** Maintaining Neutrality between the Two German States: Finland and Divided Germany until 1973 // Contemporary European History. – 2006. – Vol. 15. Nr. 4. – P. 473-493
6. **Jakobson, Max.** Finnish Neutrality: a Study of Finnish Foreign Policy Since the Second World War. – London: Evelyn, 1968. – 116 P.
7. **Kähönen, Aappo .** The Soviet Union, Finland and the Cold War: the Finnish Card in Soviet Foreign Policy, 1956-1959. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2006. – 195 p.
8. **Kirby, D.G.** Finland in the Twentieth Century: A History and an Interpretation. – UK: C Hurst & Co Publishers Ltd, 1979. – 253 P.
9. **Lunák, P.** Khrushchev and the Berlin Crisis: Soviet Brinkmanship Seen from Inside // Cold War History – 2003. – Vol. 3. Nr. 2. - 53-82
10. **Maude, George.** The Finnish dilemma: neutrality in the shadow of power. – Oxford: Oxford University Press, 1976. – 153 P.